

ИРИНА ШИТОВА

МОЙ ~~МАМА~~
ПРЕКРАСНЫМ
ПРИНЦ ♡

16+

Ирина Шитова

Мой Прекрасный Принц

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шитова И.

Мой Прекрасный Принц / И. Шитова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Марта фон Дервиз всю жизнь прожила в маленькой глухой деревне со своею матерью, скрываясь от деспотичного отца дворянина. Но теперь, когда он умер, она решает больше не скрываться и поступить в элитную школу-пансион для благородных. Правда в этой школе учится другой фон Дервиз – приемный сын ее умершего отца, которому он вместо нее оставил все свое наследство...

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 4.	15
Глава 5.	18
Глава 6.	20
Глава 7.	24
Глава 8.	27
Глава 9.	30
Глава 10.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1.

– Вы же понимаете, фройляйн Марта, что принять вас в нашу школу – это исключение. Если вы будете плохо учиться, то даже ваша благородная фамилия не сможет спасти вас от отчисления, – директор смотрит на меня своим пронзительным умным взглядом, хмурая брови. Он пытается казаться строгим и надменным, но я уже немного научилась разбираться в людях и с уверенностью могу сказать, что более доброго и отзывчивого человека еще нужно поискать.

Чтобы вы понимали, я сейчас сижу в роскошном кабинете Петра Алексеевича Нарышкина – седоволосого и осанистого директора пансиона для благородных. Да, да, именно того пансиона, который открыла кучка дворян, считающих, что нужно спасти голубую кровь от смешения и вырождения.

После революции, когда всех их практически истребили, некоторые эмигранты все же подались в родные пенаты и решили, что не оставят Россию-матушку без своего благородного общества. Они стали возрождать забытые традиции и устои. Ну как возрождать. Скорее очень плохо пародировать. Теперь аристократы в нашей стране вроде как в Великобритании их королевская семья – на них все смотрят и ровняются.

И я отношусь к их числу. Смешно, правда?

– Я вас поняла.

– Не уверен, – директор не одобрительно смотрит на меня, когда я достаю жвачку и закидываю ее себе в рот. – Это пансион для детей из уважаемых дворянских семей. Здесь нужно вести себя соответствующе.

– Школа-интернат она и в Африке школа-интернат. Я в такой проучилась несколько лет, – прекрасно знаю, что закидывать ногу на ногу сидя в глубоком роскошном кресле крайне неприлично, но мне наплевать. Я не росла среди нянек и гувернанток.

– Пансион, фройляйн Марта, пансион, – поправляет он меня, недовольно поджав губы.

– Вы же знаете, ему уже несколько десятков лет. Ваш предок был одним из его основателей. Род Дервиз – один из самых уважаемых дворянских родов в нашей стране.

Да уж, дворянский род с немецким происхождением возрождает российскую аристократию. Парадокс.

Оставляю свои мысли при себе.

– Только благодаря тому, что вы потомок этого старинного и уважаемого рода, я согласился принять вас в нашу школу без оплаты. Мы обеспечим вас учебным материалом, общением, школьной формой и даже вот этим прекрасным образцом современной технологии.

Ох, а вот за это я могу даже называть типичный интернат для богатеньких пафосно пансионом. Мои глаза горят, а руки нервно подрагивают, когда я тянусь за новеньким, мега крутым планшетиком из гибкого стекла.

Петр Алексеевич ласково улыбается, видя такой слегка чокнутый восторг, но одергивает мою прелесть подальше от моих загребущих рук. Господи, так бы и побила этого благородного в его безупречном костюмчике.

– Э-э-э! – возмущаюсь я. – Цель всей моей жизни была так близко!

– Несерьезные у вас цели, – беззлобно журит меня мужчина. – Но для начала я все же хочу убедиться, что вы меня услышали, и что проблем с дисциплиной или учебной у нас с вами не будет.

– Обещаю, – да я готова сейчас пообещать что угодно, черт меня подери. Только отдай мой планшетик!!! Я даже не стану говорить, как меня бесит, как вы вставляете это свое тупое «фройляйн Марта» через каждое слово.

– Вот и хорошо, – он, наконец, отдает мне мою прелесть, и больше я его не вижу. Потому что я ничего не вижу.

Это же просто офигеть! Экспериментальные планшетные доски, которых сейчас еще даже нигде в мире не продают!

– Господи, я про такие читала в инете, но даже мечтать не могла, что смогу когда-нибудь их увидеть! – не замечаю, как свои мысли начинаю транслировать вслух. – Гибкое стекло, которое официально еще не произведено. Боже, неужели это рай?

Да, не удивляйтесь моей одержимости. Потому что я одержима. И влюблена. Я влюблена в эту штуку. Я готова ее целовать и лизать. Я боюсь что-то сделать не так, поэтому, даже пока не осмеливаюсь попробовать ее включить. Я ее верчу, нюхаю и черт, да, я ее тихонько с краюшку лижу. А что, вдруг она какая-нибудь необычная на вкус?

Из моего интима с доской меня отвлекает смешок Нарышкина.

– Если вы закончили признаваться в любви стекляшке, как называют планшеты наши ученики, то прошу вас отправиться на занятия. Расписание и номера кабинетов – все здесь, – он показывает на мою прелесть. – Он уже настроен на ваши биометрические данные. Разберетесь сами или вам показать?

– Разберусь, – быстро отвечаю я, не желая расставаться со стекляшкой ни на секундочку.

– Тогда, фройляйн Марта, не смею вас больше задерживать.

Прижимаю к груди свою прелесть и на ватных ногах плетусь к выходу из кабинета. Прохожу мимо грудастой секретарши директора, которая сидит как сторожевой пес у его дверей, и даже не говорю ей никакой гадости. Иду дальше. Только в коридоре прихожу в себя.

Черт, а как же включать эту штуку? Я верчу ее, пытаюсь найти хоть какую-то кнопку, или значок, или хоть что-то, чтобы понять, как ее можно активировать. Все тщетно.

В отчаянии хочу уже повернуть обратно в кабинет директора, как спасение само меня находит.

– О, а что это за красотуля у нас тут делает? – немного высокий для парня голос принадлежит блондину в стандартной школьной форме – брюки, жилетка голубого цвета и белая рубашка. Он чем-то мне напоминает цыпленка – волосы взъерошены, невысокий рост и острый нос. Парень стоит напротив меня, оценивающе осматривая с ног до головы. Хорошо хоть, что и я успела переодеться в форму. На мне сейчас черная юбка чуть выше колен и женский вариант жилетки с блузкой. Свои длинные светлые волосы я собрала в конский хвост, а на лицо нанесла минимум косметики. Но при этом знаю, что выгляжу все равно обалденно. Я ведь в маму – высокая, стройная и красивая.

Пф, без преувеличения.

– Не могу разобраться с этой штуковиной, – кисло отвечаю я, досадуя на себя. До такой степени обожать гаджеты и не суметь разобраться с любовью всей своей жизни!

– Давай я посмотрю.

Чееерт. И как это я не заметила второго красавчика? Видимо эта стекляшка и правда украла мое сердце, если я сразу не замечаю перед собой таких экземпляров. Он намного выше своего друга, да он, блин, даже выше меня, каланчи. У него темные, немного вьющиеся волосы, белоснежные зубы, пронзительные голубые глаза и гибкое телосложение. Ну, знаете, такой мужской вариант – все на месте. Блин, он как сказочный диснеевский принц.

– Так дашь или нет? – принц самодовольно ухмыляется, видимо заметив, как я на него пялюсь. Вот ведь зараза, наверняка знает, какое влияние оказывает на таких девиц, как я. Я недовольно впихиваю в его протянутую руку свою прелесть. Он смотрит на нее пару секунд, а затем, удивленно вскидывает брови.

– Ты что, включить просто не можешь?

– Да, – цежу сквозь зубы.

– Черт, детка, ты из какого леса сбежала? Ты точно туда попала? – ржет друг красавчика тире смертник. – Или ты сперла у кого-то стекляшку вместе с формой? Точно. Мы ведь всех

своих знаем с рождения, а ты появляешься тут посреди учебного года и не имеешь понятия даже как включить стекляшку.

– Да пошел ты, – начинаю зверствовать я. Блин, я думала, что я одна тут буду говорить, как торговка, а судя по этому типчику, у них не особо то и следят за речью.

– Эй, Алекс, остынь, – тихо, но авторитетно затыкает блондинистого гада принц. – Что, не видишь, дама попала в беду. Надо ей помочь, а не смеяться.

– Ох, как мы заговорили, – продолжает этот самый Алекс-Леша. – А ничего, что Амина скоро должна вернуться из Лондона?

– Это-то тут при чем? – недовольно зыркает на него друг, а затем поворачивается ко мне. – Для того чтобы включить планшет, нужно просто поднести его к своему лицу и сказать: Включить. В дальнейшем для разблокировки, сможешь использовать только отпечаток пальца. Если она запрограммирована под твои биометрические данные, то все получится. На, попробуй.

Молча киваю и беру стекляшку. Делаю все, как сказал красавчик, и о чудо, моя прелесть приветствует меня!

– О, спасибо! – меня переполняют чувства радости, а в таком состоянии я не совсем адекватна. Только этим я могу объяснить то, что сейчас висну на шеи у брюнетика.

– Эээ, не за что, – его руки отцепляют меня от себя, а я тут же заливаюсь румянцем. Ох, и тяжело мне будет, если в этом интернате для благородных таких красавчиков много. – Давай я посмотрю твое расписание.

Я соглашаюсь. Во-первых, мне еще стыдно за то, что я повисла у него на шее. Во-вторых, боюсь, что моя самоуверенность вновь сыграет со мной злую шутку.

Он слишком быстро возвращает мне стекляшку, и говорит:

– Первый урок литературы. Кабинет 7Б. Это в восточном крыле. Сама найдешь?

– Да, да, конечно, – выпаливаю я и выхватываю прелесть из рук принца. Иду по коридору не оборачиваясь, пока парни позади меня о чем-то переговариваются и смеются.

Кабинет 7Б нахожу быстро. Наверное, мне стоило насторожиться еще в коридоре, когда я заметила, что вокруг меня снуют детки не выше моей талии. Но я не насторожилась. И вот я захожу в класс, в котором сидит какая-то одна мелочь.

– Вот же гадство, – бормочу под нос, выходя вновь в коридор и проверяя табличку на двери. Все верно. Захожу вновь в класс. Теперь вся мелочь с интересом за мной наблюдает. Замечаю за учительским столом симпатичную молоденькую девушку в лавандовом платье. При виде меня, она встает с места.

– Могу ли я вам чем-то помочь? – спрашивает она меня своим мелодичным голоском.

– Э, думаю да, – отвечаю я, немного в замешательстве. – Это кабинет литературы?

– Да, сейчас у нас будет урок литературы, – отвечает она, улыбаясь.

– Кажется, у меня здесь урок, – мямлю я, уже понимая, как это тупо звучит.

– Уверены? – вздергивает свои идеальные брови учительница. – Вы не похожи на ученицу седьмого класса.

– Урод облезлый, а не принц, – бубню я под нос, мысленно ругая себя почему свет стоит. Вот надо было увидеть симпатичного дворянчика и так лопухнуться! Ну, кто не захочет в интернате пошутить над новенькой? Стоило догадаться! А ведь, блин, решила, что он благородный принц, спасающий несчастных дам от беды.

Дура.

– Простите, что? – переспрашивает девушка-учительница.

Я беру себя в руки и решаю самобичеванием заняться позже:

– Извините, я новенькая. Кажется, перепутала классы. Не могли бы вы мне помочь.

– Конечно, – ласково улыбается она мне и протягивает руку. – Дай мне свою планшетную доску, я посмотрю расписание.

Отдаю ей стекляшку, которую заранее включила. Пока учительница смотрит для меня расписание, я оглядываю класс. Это действительно какие-то семиклассники. Все такие аккуратненькие и чопорные. Ни разу даже ничего не сказали, пока я тут позорилась. Хм, вот что значит воспитание. Наверное, гадить можно только в безлюдных коридорах, пока тебя никто не видит.

Мой взгляд скользит по классу и натывается на рыжеволосую девчонку в веснушках. Она чем-то отличается от всех остальных. Девчужка сидит более расслабленно и, замечая на себе мой взгляд, не принимает надменный вид, а озорно вздергивает брови. Я ей подмигиваю. Не знаю даже зачем я это делаю. Просто есть в ней что-то такое забавное...

Она мне подмигивает в ответ.

От гляделок с рыжей меня отвлекает голос учительницы:

– У вас действительно, фройляйн Марта, первый урок литературы, – блин, и она тут же со своим фройляйн. – Но так как вы ходите в старшие классы, то ваш кабинет находится в западном крыле. Это кабинет 11А. В нашей пансионе вы не ходите по классам, а сидите в одном. Учителя сами к вам приходят.

– Как в начальной школе? – удивляюсь я.

– Да, похоже, – смеется эта волшебная фея. – Желаете, я вас провожу?

– О, нет спасибо, я найду, – быстро отвечаю я и выдергиваю свою прелесть из ее пальчиков. Выхожу и иду, как я сама надеюсь, по направлению в западное крыло.

Кстати, пока осматривалась, заметила, что эти стекляшки есть у каждого в этой школе. У учеников на партах они лежат вместо тетрадей и учебников. У учителей также. Они их скручивают, складывают и Боженька знает, что еще делают. Но я пока не осмеливаюсь такое вытворять со своей любовью.

Наконец нахожу 11А. Звонок прозвенел уже минут пятнадцать назад. Останавливаюсь, выуживаю зеркало из кармана. Проверяю, нет ли козюльки или не размазалось что-то по лицу. Все идеально.

Стучусь.

– Войдите, – скрипит кто-то из-за двери.

О, нет. Если учительница семиклашек была похожа на фею-крестную, то эта корявая бородавочная дамочка похожа скорее на злую колдунью.

Ах, нет, это просто огромная родинка на щеке.

– Здравствуйтесь, – говорю я, проскальзывая в кабинет и мило улыбаясь. Надеюсь, действительно мило, потому что эта мадам мне совсем не нравится.

– Кто вы и по какому праву прерываете наше занятие? – надменно спрашивает она меня.

Ух, Боженьки, дай мне терпения.

– Меня зовут Марта. Я новая ученица, – поясняю я, стараясь не оглядываться на класс – для начала нужно пережить эту схватку со злой колдуньей.

– Новая ученица посреди учебного года? – недоверчиво спрашивает она меня.

Ну, да, сейчас зима. Я зачислилась сюда сразу после новогодних каникул.

– Все верно, – киваю я.

– Подождите за дверью, я свяжусь с директором.

Стою на месте. Я что, собака какая-то, чтобы меня выгоняли за дверь? Колдунья берет свою стекляшку с учительского стола, глядит на меня хмуро. Сталкивается с моим взглядом, и я еле заметно качаю головой. Она зло поджимает губы, но ничего не говорит.

– Петр Алексеевич, – ох, у них даже в стекляшках видеосвязь есть! Боженьки, здесь нет ничего необычного. Я кайфую.

– Да, Анфиса Павловна, – как всегда вежливо отвечает ей директор.

– Ко мне в класс вторглась какая-то наглая девица и заявляет, что она новая ученица. Некая Марта... – она вопросительно смотрит на меня.

– Фон Дервиз, – подсказываю я ей. – Марта фон Дервиз.

И вот тут начинается. Дружный возглас ребят и смешно округлившиеся глаза колдуньи. Тихий шепоток, а затем и гул наполняет класс. Не могу больше удержаться и смотрю в сторону одноклассников.

А они все на меня.

Но только один привлекает мое внимание.

Долбаный прекрасный принц. Сидит такой весь красивый за второй партой, в среднем ряду в гордом одиночестве. И почему-то с ненавистью смотрит на меня.

Э, блин, это я должна тебя ненавидеть!

– Да, да, Петр Алексеевич, я все поняла, – говорит Анфиса Павловна нашему директору и прерывает связь.

Взгляд ее становится немного мягче, но я понимаю, что она меня уже невзлюбила.

– Присаживайтесь, фон Дервиз, на любое свободное место, не стойте статуей посреди кабинета.

Я широко улыбаюсь и иду на понравившееся мне место. К прекрасному принцу. Но не успеваю я пристроить свою очаровательную попку на стул, как с первой парты поворачивается друг принца вместе с какой-то худосочной породистой сучкой.

– Это место Амины, – шипит она.

Амина. Это, насколько я поняла из разговоров в коридоре, скорее всего девушка принца. Тогда точно останусь здесь.

– Мне сказали, что я могу выбрать любое свободное место. Если только ваша подруга не воображаемая, то я имею право тут сидеть.

– Она тебе зад надерет за фон Дервиза, серьезно, – предупреждает меня блондин, но это меня не пугает. Мое внимание больше привлекает произнесенная им моя фамилия.

– О, фройляйн Марта, – блин, и эта тут же. – Вы предпочли сидеть с человеком, который теперь носит фамилию вашего рода и является наследником вашего отца. Не уверена, что это удачный выбор, но он ваш, – бесстрастно замечает учительница.

Ах, так вот почему он с такой ненавистью на меня зыркает! Медленно поворачиваюсь всем корпусом и теперь по-новому рассматриваю принца.

Чтобы всем было понятно, объясняю. Он ни фи́га не мой родственник. Он приёмный сын моего родного отца и теперь официальный наследник его рода, а также заводов, пароходов и прочей чепухи, что были у моего папаши.

Все вокруг уверены, что я его за это люто ненавижу. Но мне наплевать на их мнение – я в этой школе совсем по другим причинам.

Все замерли. Возможно, ожидают, что я сейчас закачу истерику, пересяду на другое место, ударю его, в конце концов. Хотя от последнего я бы не отказалась. За его дурацкую шутку и мои разрушенные девичьи грезы о прекрасных принцах. Но нет. Изберу-ка я, пожалуй, тактику изошренных в своей мести.

– Очень приятно познакомиться, – улыбаюсь я и протягаю ему руку. – Марта фон Дервиз. Настоящая фон Дервиз. Ну, ты понимаешь.

Он молчит. Только взгляд его полыхает. Спорим, он сейчас пытается подражать аристократам и быть выше своих неблагородных стремлений придушить меня.

Продолжаю издеваться.

– Что ж, так как ты не говоришь, как тебя зовут, буду называть тебя просто Красавчиком. Или фон Дервизом. Пока не решила. Посмотрим, на что ты будешь лучше окликаться.

Все, он готов. Руки сжаты в кулаки, губы превращаются в тонкую злую линию, а взгляд... ммм... этот пронзительный взгляд...

– Нам стоит продолжить урок, – говорит колдунья, не дав мне еще полюбоваться на бешенство принца.

Кстати, заметили, она нам дала время на знакомство? И не моя вина, что этот Красавчик отказался называть свое имя. Блин, не припомню, по телику вроде говорили, как его зовут. Ах, жизнь налаживается. До приезда этой самой Амины успею насладиться мексью.

Глава 2.

Со стекляшкой я более или менее разбираюсь только к третьему уроку. Интерфейс оказывается до боли простым и приспособленным под любые умственные способности пользователя. Все это время я без зазрения совести сую свой нос в планшет Красавчика (буду теперь его так называть, потому что он явно не Прекрасный Принц) и смотрю, что он там делает. Красавчик злобно косится в мою сторону, но ничего не говорит. Как же – воспитание.

В общем, в моей прелести есть все, что мне нужно для жизни и учебы: интернет, видеосвязь с вбитыми в память всеми контактами учеников школы и преподавателей, учебные материалы, а также отдельные программки для выполнения заданий и конспектирования лекций. Также стекляшки снабжены электронными дневниками, которые удаленно могут проверить в любое время родители учеников.

Однако на этом чудеса данного места не заканчиваются. Представляете, каждый учебный класс школы снабжен огромными стекляшками-досками! Это вам, блин, не мелом по черной фигуре. На это чудо современной техники можно прямо с планшета проецировать учебные материалы, задания и все что угодно. Ах, я в раю... Не дожусь, когда найду минутку и побуду наедине с этой огромнейшей на полстены стекляшкой.

Удручает лишь одно. Нет, две вещи. И это даже не то, что со мной никто не рвется завязать знакомство, не смотря на мое знатное происхождение. На это мне наплевать. Я сама никогда не пыталась с кем-то подружиться, и не горюю по этому поводу. А вот то, что программа у них просто зверская (а вы помните, я же пообещала хорошо учиться директору-лапушке), меня напрягает. Сегодня итак приходится половину подглядывать у Красавчика. И если по основным предметам я могу и сама подтянуть себя, запросив дополнительный материал у своей прелести, то с английским просто беда.

Когда в класс входит высокая статная дама в юбке-карандаш и сходу начинает тараторить на иностранном языке, у меня возникает чувство, что я смотрю трейлер американского блокбастера без перевода. А они все ее понимают, кивают и что-то в ответ курлыкают. И ни одного русского слова за сорок пять минут! Они здесь все с пеленок учат английский и знают его как второй родной, а у меня базовая школьная программа для интерната. Я понимаю, что здесь одним списыванием и самостоятельными занятиями не обойдешься. Нужно искать репетитора. Только вот где? И чем я ему буду платить?

И вот мы плавно переходим ко второй моей проблеме. Деньги. У меня они есть, но явно не столько, сколько у всех остальных ребят в этом пансионе-интернате. Мне нужна работа. И в этом я окончательно убеждаюсь, как только захожу в местную столовую.

Чтобы вы понимали, это ни фига не столовая. Это, скорее что-то типа навороченного ресторана. Откуда я знаю, на что он похож? По телевизору в кино видела и на картинках в журналах. И что крайне меня огорчает, питание не входит в оплату. Ну, это если бы я платила.

Каждому здесь делают пластиковые карты питания, на которые родители деткам закидывают денежку. Я такую не стала заводить. Так что буду платить наличными. Думаю, на неделю хватит, а потом придумаю, что мне делать. Может, к тому моменту уже и работу найду.

Оглядываюсь в поисках свободного места. Тут же натываюсь взглядом на голубоглазую мечту и с широкой улыбкой иду к его столику.

– Даже не думай, – рычит он злобно при вид меня.

– А я и не думаю, я делаю, – подмигиваю Красавчику и сажусь прямо возле него за круглый столик на четверых. Как вы уже сами догадались здесь сидит его друг, кажется, Алексеем зовут, и его тощая сучка.

Около меня материализуется молоденькая официантка в белой блузке и длинном, закрывающим все ноги, фартуке шоколадного цвета. У нее яркие голубые волосы и, кажется, тату

на шее. Странно, что такой девчонке разрешили работать здесь. Мысленно я ее сразу же прозываю Мальвинкой.

Девушка с приветливой улыбкой протягивает мне стекляшку. Она немного больше тех, что выдают ученикам.

– Ваше меню, – говорит она учтиво.

– Благодарю, – улыбаюсь я в ответ, не обращая внимания на скривившееся лицо сучки. Быстро прокрутив страницу с перечнем еды и заоблачными ценами на них, понимаю, что стоит выбрать только овощной салат и чашку зеленого чая. Хотя не думаю, что буду сильно выделяться – вон соседка по столику заказала то же самое. Сто процентов, пытается оставаться такой же тощей и злобной.

Делаю заказ и возвращаю все с той же доброжелательностью меню официантке. Не проходит и минуты, как моя еда уже на столе. Безумно хочу есть, поэтому даже недружелюбные взгляды ребят аппетит мне не портят.

– Давайте пересядем? – предлагает худышка.

Блин, как же мне ее прозвать. Должна же я ее называть как-то, пока не буду знать, как ее зовут на самом деле. Может, Сухостой? А что, прикольно.

– Оставь. Мы не будем прыгать по столикам от нее, – морщась, отвечает убиенец девичьих грез.

– Почему нет? – изображаю удивление я, тщательно прожевывая листик салата. Вроде говорят, что так насыщаешься быстрее. – Представляете картину, лже фон Дервиз бегаёт от настоящей фон Дервиз.

Красавчик бледнеет и резко вскакивает с места. Его стул падает с громким стуком, привлекая всеобщее внимание. Блин, наверное, все-таки перегнула палку, попав в его больное место.

– Я наелся, – произносит он ровным, безэмоциональным голосом, не смотря на меня. – Ребят, увидимся.

И он быстро покидает ресторан-столовую под шушуканье и смех ребят.

– Подожди, Дер, я с тобой! – кричит Сухостой и несется сломя голову за принцем. Тьфу ты, за Красавчиком.

И что это за Дер? Это его имя что ли такое?

– Так это правда? – Алекс смотрит на меня изучающе. Не понимаю пока, что он из себя представляет. Возможно, он просто друг-прилипала богатого наследника.

Делаю невозмутимый и скучающий вид, насаживая черри на вилку.

– Правда что?

– Что ты явилась, чтобы забрать свое наследство.

Все шушуканья в зале резко обрываются. Кажется, все жаждут моего ответа. Врать не стану. Но и делать жизнь Красавчика легче тоже не собираюсь. Пускай понервничает. Как я в кабинете семиклашек.

– А если и так, то что? – с дьявольской ухмылкой спрашиваю я.

Парень качает головой, ничего не отвечая. Что ж, пока с уверенностью могу сказать, что друг у фон Дервиза настоящий. Он действительно расстроился, услышав мой расплывчатый ответ.

Но мне унывать некогда. Нужно решить вопрос с деньгами и репетиторством. Поэтому, не обращая внимания на все еще сидящего напротив Алекса, я встаю, оставив деньги на столе, и иду решать свои проблемы.

А иду я напрямиком к директору.

Глава 3.

– А я вам говорю, фройляйн Марта, что к нему нельзя вот так просто вламываться! – цербер стоит напротив двери кабинета Нарышкина и просто грудью ее защищает. В прямом

смысле этого слова! Бесит. И это постоянное «фройляйн Марта». Они как будто сговорилась! Меня вообще в прошлой школе Машей называли. Хорошо мамина подруга там оказалась директором. Так что мое странное имя никто так и не узнал. И почему это дебильное немецкое обращение, когда во мне немецкого осталось только фамилия?

– У меня к нему дело, – в сотый раз пытаюсь я объяснить этому непонятливому созданию с пятым размером груди причину своего визита. От большого перерыва остаётся всего десять минут. И пять из них я уже потратила на эту сисястую!

– Я вас запишу в приемные дни. Это среда и пятница. Тогда и приходите.

– Что ж сразу не сказали, – возмущаюсь я. – Среда же завтра. Давайте, записываете меня на среду.

Возвращаюсь к столу секретарши и плюхаюсь в кресло для посетителей. Как все в этой школе оно большое, удобное, сделанное с претензией на роскошь. Раскрасневшаяся секретарша идет на свое место, одергивая свой серенький костюмчик и поправляя зализанный пучок на голове. Вот не пойму у них, что звукоизоляция такая хорошая, что Нарышкин даже ни разу не выглянул, чтобы узнать, кто к нему ломится?

– Итак, вам нужна среда? – деловито спрашивает меня женщина, заглядывая в свою стекляшку.

– Как вы догадались, – закатываю я глаза. – Постойте, это, наверное, потому что я несколько секунд назад вам это сказала.

– Не дерзите, – осаживает она меня. И я молчу. Потому что внезапно вспоминаю, что обещала директору хорошо себя вести.

Окрыленная своим успехом в моем воспитании, довольная секретарша прокручивает записи в планшете. – Так, фройляйн Марта, ближайшая свободная среда через две недели. Записываем?

Так, ну, все!

Я подрываюсь с места, и пока цербер не опомнилась, мчусь к заветной двери.

Распахиваю ее, даже не стучась. Петр Алексеевич сидит весь такой задумчивый за своим столом, уткнувшись в планшет. Плюхаюсь на так полюбившееся мне кресло, и только тогда он поднимает на меня взгляд. Он хмурится из-за моей наглости, но быстро возвращает себе нейтральное выражение лица. Вот, блин, цербер, поучись выдержке.

– Петр Алексеевич, простите, она сама ворвалась! – запыхавшаяся грудастая тормозит возле меня, поддерживая свои сиськи. Наверное, тяжело с таким грузом скакать-то.

– Что?

– Что? – раздаются один за другим вопросы от директора и его секретарши. Блин, вслух сказала. А они же вроде как по этикету должны были оба притвориться, что ничего не слышали!

Но мое смущение меняется тут же на веселье, потому что я замечаю румянец, разившийся по щекам у цербера. И что самое поразительное, но и у директора тоже!

Ё ж моё! Не думала, что увижу вообще такое когда-нибудь.

– Агафья Леонидовна, все в порядке. Я разберусь с этим, – быстро взяв себя в руки, говорит Нарышкин и жестом отпускает секретаршу. Та все еще краснея, выходит прочь.

– Вы уж извините, что так бесцеремонно ворвалась, но эта ваша Агафья Леонидовна сказала, что я могу попасть к вам только через две недели. А я так долго ждать не могу, – оправдываюсь я, в надежде, что не ошиблась, и директор и правда такой душка, каким он мне показался при первой встрече.

– Почему вы мне не позвонили по видеосвязи, если вопрос такой срочный? – укоризненно спрашивает он меня, отложив в сторону свою стекляшку.

– А что так можно? – изумляюсь я.

– Конечно, – кивает директор. – Вы можете в любой момент звонить мне или вашему классному руководителю Анфисе Павловне, – о, ей я точно звонить не стану. Только если решу, что пора заканчивать свою никчемную жизнь. – А также по личным и бытовым вопросам вы всегда можете обратиться к своему воспитателю. Он у вас также занесен в контакты. Воспитатель бывает в общежитии сразу после занятий.

– Спасибо, – искренне благодарю я директора. – Ваша цербе... то есть секретарь мне не рассказала о такой возможности. Поэтому пришлось прорываться с боем. Извините.

Он кивает, показывая, что извинения приняты, а затем интересуется:

– Так что же такое случилось, что вам пришлось воевать с моим секретарем?

И я выкладываю свои проблемы Нарышкину. А что? Он и так уже понял, что у меня нет денег. Ведь иначе я бы не просилась к ним в школу на бесплатной основе. Так что признаюсь, что мне нужна работа, так сказать, для поддержания тусовки. И про беду с английским тоже.

– Сделаем так. Репетитора я вам найду бесплатного, – через минуту раздумий отвечает мне директор. – Есть у нас одна своевольная ученица. Чем-то вы ее мне напоминаете... Долго не мог придумать для нее наказания. Вот она и станет его отрабатывать, в виде занятий с вами.

– О, здорово, – и пофиг, что я для кого-то наказание. Главное мне хорошо. – А как с работой?

– Здесь сложнее, – неуверенно продолжает директор. – Знаете, фройляйн Марта, у нас есть сейчас вакансия уборщика. В обязанности ушедшего сотрудника входило мыть танцевальный и спортивный зал. Но боюсь, что у вас в связи с этим могут возникнуть проблемы – другие ученики не поймут этого.

– Да наплевать, – машу я беспечно рукой. – Переживу. Мне просто нужна работа.

Директор тяжело вздыхает и складывает руки под подбородком. Он внимательно изучает меня некоторое время, прежде чем спросить:

– Почему вам или вашей матери не поговорить с вдовой фон Дервиз? Я уверен, она войдет в ваше положение и сможет финансово помочь.

– Мне не нужны их деньги, – от моей расслабленной позы в супер-пупер кресле не остается и следа. Я напрягаюсь, слыша что-то подобное не в первый раз от директора. – Я справлюсь сама. Столько лет справлялась.

– Справитесь сами? А мама ваша, что по этому поводу думает?

«Ничего», – хочется мне закричать. Но я молчу. Так и не дождавшись от меня ни слова, директор продолжает:

– Хорошо, вы можете получить эту работу. Но будете приступать к ней после ужина, когда все остальные ученики находятся в жилой зоне. Справитесь?

– Конечно! – радостно киваю я.

Он связывается с завхозом и предупреждает о том, что я приступаю с завтрашнего дня. Проверяю наличие контакта этого важного для меня человека в стекляшке и с чувством облегчения и безграничной благодарности отправляюсь восвояси. А точнее на урок. Правда, перед этим слезно упрашиваю директора начирикать учителю по видеосвязи, что он меня задержал.

Все-таки хороший он человек.

Глава 4.

Нет, жизнь, прекрасна. Знаете, после чего я это поняла?

После того, как заселилась в свою комнату. Ведь это не комната в общежитии, какая у меня была в интернате. Это, блин, номер люкс в пятизвездочном отеле! Или какие они там бывают, не знаю, но я бы осталась тут жить навсегда.

Но давайте я вам лучше объясню для начала, что вообще из себя представляет эта самая школа-пансион для аристократов, в народе интернат для богатеньких детей, на которых их родителям наплевать. То есть, не то чтобы наплевать, просто в этом обществе принято ссылать сюда отпрысков, якобы для того, чтобы дать им лучшее образование. Или же их родителям просто не хочется возиться с ними, и они их сплавляют буквально до совершеннолетия в это место. Да, представляете, у них есть двенадцатый класс! Но я не жалуясь. Честно говоря, это единственная причина, по которой я нахожусь здесь.

Значит, располагается сие прекрасное местечко в живописном уголке нашей страны на окраине соснового леса. Ближайший населённый пункт за тридцать километров, но неподалеку по всей территории леса разбросаны небольшие оздоровительные санатории. Там, правда, одни старички, но это только на руку руководству – чем дальше от соблазнов жизни, тем спокойнее.

Наш пансион находится в замке. Я не шучу, в самом настоящем замке, который когда-то принадлежал моему славному роду фон Дервизов. Улавливаете, я тут типа крутая. Его завещал там какой-то мой пра пра под школу и вот теперь и общежитие, и сама школа находится в этом величественном замке как из фильма «Золушка». Само здание представляет собой по стилю что-то среднее между ренессансом и барокко. Ну, чтобы было понятнее, здесь есть башенки, флигели, колонны, открытые каменные балконы

Общежитие находится в пристроенном с востока г-образном корпусе. И вот мы и добрались до моей комнатки. Она супер-пупер. Ведь это комнатка типа специальная для потомков рода фон Дервизов. Ну, помните, я тут на особом счету. У меня есть собственная ванная! В общем, рай, ты меня все-таки дождался. У Красавчика-лжепринца-козлища комната еще лучше (знаю, потому что она находится по соседству с моей, и я, проходя мимо заглянула в его приоткрытую дверь одним глазком), но ведь этот богатенький даже не ценит этого.

Он привык к роскоши. А я рада, что мир устроен таким образом, что большинству не дается все, что они пожелают. Вот если бы у меня было все, что я захочу, то разве я приходила бы сейчас в такой неописуемый восторг от своей комнаты? Уверена, фон Дервиз принимает это как должное, и не может, как я просто кайфовать от того, что у меня есть собственная ванная комната, выложенная красивой плиткой и с современной сантехникой. Он не трепещет, проводя рукой по шелковистому постельному белью цвета молочного шоколада. Его сердце не сжимается от ликования, когда он плюхается на самый удобный матрас в своей жизни. Он не смеется как сумасшедший, когда выглядывает в окно и видит заснеженный внутренний двор и часть старинного величественного замка. И вот в этом я намного богаче его.

Я богаче в своих эмоциях. В своем щенячьем восторге просто от того, что имею право пользоваться планшетной доской из гибкого стекла. Я умею получать удовольствие в такой ситуации, в которой все остальные бы уже бились головой о стену и, простирая руки к небесам, вопрошали бы их: «За что?»

– Смотрю, ты обживаешься.

Я вскрикиваю и подсакиваю на месте, садясь в кровати, на которой я до этого лежала звездочкой.

– Какого хрена? – ору я, смотря на стоящего в !моей! комнате фон Дервиза. – Как ты тут оказался? Я заперла дверь, точно помню.

– Ты запирала дверь со стороны коридора, – невозмутимо пожимает он плечами, облокотившись о стену и скрестив руки на груди. Не могу не признать, что в обычной одежде – голубой майке и джинсах – он выглядит намного привлекательнее. Менее принц, что ли. – А вот дверь, ведущую в мои покои, ты не можешь закрыть. Только я могу их запереть и то исключительно со своей стороны.

Я замечаю, что справа от Красавчика действительно видна приоткрытая дверь, которую я сразу не заметила, потому что она сделана так, чтобы слиться со стеною. Я подлетаю к двери и распахиваю ее.

Ошибки быть не может – за ней действительно комната фон Дервиза.

– Это что за фигня? – недоуменно спрашиваю я.

– Это дверь, которая соединяет комнату прислуги с покоем хозяина.

Мне нужно всего пару секунд, чтобы осознать, что только что услышала. Значит, комната, которой я так бесконечно восхищалась это всего лишь у аристократов комната прислуги? Замечаю самодовольное выражение лица у лжепринца. Он смотрит на меня высокомерно, криво ухмыляясь.

Он ждет. Он ждет, что я сейчас начну истерить, кричать, бежать или звонить директору с гневными возмущениями. Возможно, мне так и стоило бы поступить. Ведь все здесь, в том числе и Красавчик, думают, что я все эти годы жила в роскоши и богатстве. Что моя мама сбежала от отца вовсе не в глухую деревню, где мы жили в нищете, хоть и счастливо. Они все думают так же, как и раздули это газетчики – фон Дервиз убежала с каким-то богатым аристократом за границу. Или же другая версия, по которой ее взял к себе на содержание вместе с дочерью безумно влюбленный новый русский и скрывал все эти годы от законного мужа.

Но только я знаю настоящую причину, почему мама сбежала из дома. И она и близко не стоит с теми версиями, о которых трезвонили СМИ. Но, конечно же, это не дело самодовольного Красавчика. Я повторяю позу парня, скрестив руки на груди. Подражая высокомерию, которое насмотрелась за сегодняшний день у этих выскочек, я произношу:

– Попрошу вас, herr Красавчик, выйти из моей комнаты.

– Как ты меня назвала? – он растерянно смотрит на меня.

– Неееегг, – произношу нараспев я и с удовольствием. Просто потому что его это должно взбесить. – Во-первых, ко мне не принято обращаться по традициям германского народа. Во-вторых, меня зовут не Красавчик. А в-третьих, если уж на то пошло, то произносится «герр».

– Наплевать, – невозмутимо пожимаю я плечами, вновь копируя его. – Просто прошу исполнить мою просьбу, – да, да, и я могу говорить правильно.

Мама меня пыталась учить.

Он хочет что-то сказать, но потом принимает бесстрастное выражение лица, делает легкий поклон, от чего я не могу сдержать смехок (ну, не принято в обществе, в котором я выросла кланяться!) и выходит через ту же дверь, через которую вошел.

А у меня задача – как можно быстрее закрыть проход так, чтобы эта козлина не могла тут ошиваться без моего ведома. И зачем вообще меня директор поселил в спальню со смежной дверью с фон Дервизом?

Осматриваю помещение в поисках решения. Имеющиеся варианты – подвинуть кровать к стене (но тогда он будет слышать все, что я буду делать на кровати), подвинуть комод (слишком легкий, при желании сможет сдвинуть дверь), сдвинуть шкаф (все хорошо, только я это сделать не смогу физически).

Внезапно в мою дверь кто-то стучит. Неужели козлина решила ходить, как нормальные люди?

– Войдите, – говорю я громко.

– Здравствуй, Марта, – в дверь заглядывает фея из класса семиклашек.

– Э-э, здравствуйте, – немного растеряно здороваюсь я, не понимая, что она здесь делает.

– Я вижу, ты удивлена, – улыбается она мило. – Позволь объяснить. Я не только преподаю литературу, но по совместительству являюсь воспитателем. Меня зовут Алина Анатольевна.

– О, я рада знакомству, честно, – хотя бы потому, что вы не добавили это дебильное фройляйн перед моим именем. – Кто я, я думаю, вы знаете.

– Конечно, кто ты знает каждый в этой школе, – она оглядывает комнату и кивает в сторону стула. – Позволишь?

– Конечно, – киваю я, сама присаживаюсь на краешек кровати.

– Тебе нравится комната? – устроившись на стуле, спрашивает она немного нервно.

Так, и она знает, что это комната прислуги.

– Меня смущает одна вещь, – недовольно ворчу я. – Это наличие лишней двери, которую я не могу запереть со своей стороны.

– О-о-о, – она кидает смущенный взгляд в сторону смежной двери. – Боюсь, что менять что-то нам запретят. Даже повесить крючок – это будет нарушение композиции здания.

– А придвинуть что-то к ней – это нарушение композиции? – уже в открытую ворчу я. Знаю, фея не виновата, но вся эта ситуация меня ужасно бесит. – И вообще, кто додумался меня поселить рядом с этим лжепринцем?

Алина Анатольевна грустно смотрит на меня.

– Директор думает, что ваше противостояние – это не выход. Я понимаю, что ты считаешь, что мальчик занял не свое место, но у его матери сейчас есть связи, чтобы отстоять свое право на наследство барона. Думаю, что борьба с ними не самое хорошее решение, Марта.

И она тут же. Ах, да, я же его назвала лжепринцем. Она, по всей видимости, поняла это по-своему. Но не собираюсь я пока разубеждать никого ни в чем.

– Значит, нас поселили в комнаты со смежной дверью, чтобы, так сказать, мы тут проконнектили? – я выразительно шевелю бровями. От моего намека, щеки воспитательницы слегка розовеют.

– Не думаю, что директор хотел, чтобы вы имели друг к другу доступ к двадцать четыре часа в сутки, – наконец отвечает она. – Так что давай я поговорю с нашим завхозом и постараюсь что-то придумать.

Ох, она точно фея.

Алина Анатольевна еще раз уточняет перед уходом, нравится ли мне комната, и я искренне уверяю ее, что все в порядке. Сегодня мне разрешили не следовать расписанию, которому подчиняются все ученики школы. Поэтому я решаю оставшееся время посветить поиску более дешевого типа питания. Но это все мелочи. Главное – я здесь. И я здесь до своего восемнадцатилетия.

Глава 5.

Вот уже целую неделю я учусь в элитном пансионе. Хотя, как я и говорила ранее, он мало чем отличается от школы-интерната, в которой я училась до этого. Взять хотя бы расписание дня. Подъем, завтрак, учеба. После уроков обед, время отдыха и самоподготовка. Затем ужин и личное время. Правда, в отличие от нашего интерната, здесь нет перед отбоем построения – это когда всех собирают внизу в холле и перед тем как отправить спать пересчитывают как цыплят.

Но вот существенное отличие от моей предыдущей школы – это питание за деньги. Просто дикость какая-то! Но и этот вопрос я смогла легко решить. Я познакомилась с той самой официанткой из столовой с голубыми волосами и от нее узнала, что на кухне постоянно не хватает рук. Там всем заведует очень миленький пухляк шеф-повар. Теперь за небольшую помощь на кухне, он дает мне порцию обеда для персонала, и иногда и чего повкуснее. Хотя, я думаю, он это делает скорее ради того, чтобы поболтать со мной пока я ем. Им всем крайне любопытно, что творится у деток за пределами столовой. А мне что, жалко? Я рассказываю.

Если эту проблему я решила, то проблему с учебой никак не получается. Программа на столько отличается от моей предыдущей, что я просто разрываюсь, не зная за что браться. Учителя по приказу Нарышкина каждый день кидают мне на стекляшку дополнительные материалы, которые должны помочь мне нагнать одноклассников, но становится только хуже. Хорошо еще, я разобралась с начинкой стекляшки. Теперь я легко могу взламывать любой планшет и тырить домашку. Правда, проделываю я это только с планшетом Красавчика. А что, он здесь самый умный. Но я обещаю сама себе, что это только до того момента, пока я не смогу сама решать все задания. Мне просто жизненно необходимо еще задержаться здесь.

Вот и сейчас я сижу на самоподготовке и усиленно думаю над очередной нерешаемой задачей по химии. Блин, а у меня же была твердая пятерка по ней! Но то, что здесь дают просто фантастично непонятно!

– Дер, Амина уже в эти выходные возвращается? – спрашивает Алекс, поворачиваясь к нам. Мы сидим сейчас так же, как и на уроках.

– Нет, – качает головой мой сосед по парте. – Сказала, что задержится еще на пару недель.

– Эй, Марта, что будешь делать на выходных? – не унимается Алеша, по всей видимости, уставший от домашки.

– Ничего, – хмуро отвечаю я, замечая, как на меня косится Красавчик. И это странно, ведь по большей части он делает вид, что меня не существует.

– Алекс, не разговаривай с этой убогой, – пищит Сухостой, которого, кстати, зовут Анной. Блин, такое имя испоганила. – Ей дали время всего месяц, чтобы нагнать нас. А она вон над простейшим заданием уже час сидит.

Я зло поджимаю губы, но ничего не отвечаю. Она права. Я не могу и дальше списывать домашку, сама ничего не понимая.

За моей спиной раздаются смешки. Это члены гильдии «мы самые крутые и офигенные» поддерживают «свою». Кстати, я вам еще не говорила, что меня угораздило сесть прямо в центре Крутых? Если вы не понимаете о чем я толкую, то сейчас объясню.

Итак, в нашей школе все так же было устроено. Класс делится на несколько, скажем так, подгрупп. Первая – Отличники. Они общаются между собой, иногда пересекаясь с Крутыми. Они сидят на первых рядах, выглядят как серые мышки и тянут свои кривые ручонки вверх в течение всего урока.

Вторая категория – Крутые. Это те, кто неплохо учится, они самые общительные, красивые и так далее и тому подобное. Правда в этом месте Отличники – это в то же самое время и Крутые.

Еще одна категория – это Отбросы. Они не учатся хорошо, не выглядят круто. Они середнячки или просто фрики – странные и немного чудаковатые.

Ну, и всем известная группировка на задних рядах – Пофигисты. Им пофиг на все. На внешность, успехи в учебе (особенно на это), мнение о них в классе и так далее.

Ну, так возвращаемся к моим пирогам. Я прибилась к Отличникам – Крутым. И я просто катастрофически не справляюсь с этим званием.

– Думаю, она вылетит раньше, если будет так вызывающе одеваться и краситься, – это раздаёт свой голосок фон Дервиз. Его, кстати, друзья тут называют Дер. Дебильно звучит.

– Что тебе не нравится в моей внешности, придурок? – и что я не могу промолчать. Ну, бесит он меня.

– Например, то, что твои волосы розовые? – говорит он, осматривая мой конский хвост.

Ну да, переокрасила я кончики своих светлых волос в розовый. Просто та самая официантка, Мальвинка, оказывается, учится на стилиста и попросила сегодня вместо работы на кухне немного побыть ее моделью в перерыв. Она уверила меня, что будет пользоваться временной краской и цвет вымоется при первом же походе в душ.

Я согласилась. В итоге вышла оттуда с частично розовыми волосами и ярким макияжем. Алина Анатольевна покачала головой, увидев меня, но в кабинет на самоподготовку впустила.

– Ты похожа на девушку легкого доступа, – ухмыляясь, говорит фон Дервиз. И, черт, это обидно. Наверное, если бы это сказала Сухостой-Анна, я бы ответила колкостью на колкость, но то, что это говорит человек, которого я считала принцем, хоть и всего несколько минут, меня выводит из пофигистическо-ровного настроения.

– Я хотя бы просто похожа на такую девушку, – говорю я, подгоняемая своей злостью, но все же тихо, чтобы кроме Красавчика меня никто не услышал. – А ты самая что ни есть настоящая фальшивка.

Эффект достигнут. Дервиз дергается от моих слов, как от пощечины. Так то, не надо было меня бесить.

– Он – не фальшивка, а настоящий аристократ, с должными манерами и воспитанием! – внезапно взвизгивает Аня, повернувшись к нам всем корпусом. Все таки услышала ушастая. – А вот ты просто маленькая шлюшка, которая заявила сюда, чтобы разрушить его жизнь! – Алекс пытается урезонить свою подружку, дергая за руку. Но та уже вошла во вкус и вскакивает с места, продолжая вопить во всю глотку: – Тебе никто не позволит отобрать у него его наследство. Оно по закону принадлежит ему! Да, он далеко не дворянин и уж тем более никакой не фон Дервиз. Но нам наплевать, он все равно лучше, чем ты, тупая сука!

Ох, вот это воспитание в этом глубокоуважаемом месте.

– Анна, заткнись! – фон Дервиз встает со своего места, ударив по парте кулаком. Да так, что я и близ сидящие девчонки нервно подпрыгиваем на стульях.

Ох, а сколько потенциальной силище в нем. Мммм... Так, так, мысли в кучу.

– Но эта тварь сидит и оскорбляет тебя! – уже тихим голосом возражает эта психопатка.

– Она сказала правду. Я и есть фальшивка, – сдавленно шепчет он, хватая стекляшку и выбегает из кабинета. Алина Анатольевна, которая все это время сидела за учительским столом, сурово смотрит на нас.

– Анна, сядьте на место, пожалуйста, – строго говорит она, вставая. – И прошу каждого вернуться к выполнению домашней работы.

С этими словами она выходит за дверь. Наверное, за Красавчиком побежала.

Блин, вряд ли он теперь сегодня будет делать домашку. Придется хакнуть чью-то другую стекляшку.

Глава 6.

Я иду на уроки не выспавшаяся и злая. Я приступила к работе поломойки со вчерашнего вечера и теперь у меня все болит. Мало того, что я драила огромные простоофигительнобесконечные полы до двенадцати ночи, так еще наработала мозоли от швабры на ладонях. Нет, мне не привыкать к труду, как все кроме директора здесь думают, но просто такие площади... оооо... Ладно, надеюсь, привыкну.

– Доброе утро, – перед моим уткнувшимся в пол взглядом возникают красивые замшевые туфельки. Я поднимаю свой взгляд и рассматриваю хозяйку туфелек. Передо мной стоит Настя Александрова, какая-то там графиня в каком-то там поколении. Тонкое аристократичное лицо, вся такая бледненькая, изящненькая, ухажненькая. За ее спиной маячат девчонки из моего класса, которые сидят сразу за нашей с фон Дервизом партой. А эта Александрова вроде как учится в выпускном двенадцатом классе.

– Чего тебе? – не совсем ласково отвечаю я. Ладно, не ласково, а откровенно грубо. Ну, меня можно простить – я же росла вдали от благородного общества. И вообще я спать хочу, у меня болит спина и руки.

Настя делает вид, что не замечает моей грубости и переходит сразу к делу. Умная девочка.

– Я слышала, как ты вчера обозвала этого выскочку.

– Кого? – хмурюсь я. Или я до такой степени хочу спать, что ничего не понимаю или эти мымы тощие с ума посходили.

– Фон Дервиза, – она произносит его имя так, как будто во рту у нее кашка. – Мы хотели, чтобы ты знала – мы на твоей стороне. Чистота крови – вот зачем возрождалось дворянство. Чтобы сохранить ее. А он отобрал у тебя наследство, фамилию. И что, теперь его потомки будут носить фамилию фон Дервизов, хотя, по сути, ими и не являются? Он самая настоящая фальшивка. И это нужно исправить. Я сомневаюсь, что это вообще законно передавать права наследования не кровному родственнику.

Ох, девоньки, ну не до этого мне сейчас.

– Окей, спасибо, – говорю я, только чтобы они отстали от меня, и пытаюсь пройти мимо. – Это очень мило с вашей стороны.

Когда желанная свобода уже близко, девчонка, что сидит позади меня на уроках, хватается за мою руку, заставляя остановиться.

– Мой отец – очень хороший адвокат. Если тебе нужна будет помощь, чтобы отсудить свое наследство, он сможет тебе помочь.

Черт, девочка, а я думала ты его подруга.

Но опять говорю другое, потому что очень хочу свалить отсюда.

– Да, да, спасибо. Скинь его контакты, я подумаю, – тараторю я, выдергивая свою руку.

Когда у меня это получается, и я разворачиваюсь в сторону класса, то тут же натываюсь на святую троицу – Красавчика, Сухостоя и Алекса. Блин, кажется, они все слышали. Остальные девчонки также их замечают. Они вздергивают свои носики и шествуют каждая в своем направлении.

Я закатываю глаза, и также вздернув нос, иду мимо в сторону класса. Пускай думают, что хотят.

Кое-как отсидев уроки, опять совершенно не поняв большую часть из того, что нам давали, я собираюсь бежать на свою любимую кухню, чтобы провести время среди обычных смертных и до отвалу наесться. Но тут в класс заходит моя «обожаемая учительница». Анфиса Павловна деловито шествует к преподавательскому столу, пригвозждая по дороге всех своим

строгим водянистым взглядом. С громким стоном я опускаюсь обратно на стул, устаиваясь при этом персонального взгляда ненависти от ведьмы.

– Прошу вас задержаться буквально на пять минут, – произносит она, удостоверившись, что внимание полностью принадлежит ей. – Администрацией школы запланирована традиционная исторически-познавательная поездка на полуостров, – по классу пронесится одобрителный гул. – Тише, – прикрикивает Анфиска. – Сообщите своим родителям, что поездка состоится как всегда в первые дни весенних каникул. За этот период нужно получить от них разрешение и перевести средства в счет оплаты. Ответственным за это я назначаю... – она обводит взглядом кабинет и останавливается на мне. Нет, нет, нет. Отвернись, блин! – Фон Дервиз.

– С удовольствием, – тут же откликается Красавчик. Фуф, пронесло. А я уж подумала...

– Я сказала фон Дервиз, – несколько резко перебивает его ведьма. – Фройляйн Марта, вам все понятно?

Вот же блин.

– Почему я? – ною я. У меня болит спина, я работаю поздно вечером и днем за еду. И я не собираюсь собирать деньги этих богачей, когда знаю, что сама никогда не смогу позволить себе того же.

– Мои приказы не обсуждаются, – недовольно поджимает губы Анфиска.

– Это что, где-то в уставе сказано? – продолжаю упорствовать я. Потому что мое настроение испорчено, и я хочу испортить его и этой козе. – Скажите, какой пункт и параграф, – с деланным видом я включаю стекляшку. Без понятия, где тут закачан устав и есть ли он вообще, но надеюсь, что ведьма тоже этого не знает.

– Пункт три два, – невозмутимо отвечает она. Блин, надеждам не суждено сбыться.

– Но ведь всегда такими делами занимался фон Дервиз, он наш староста, – подает голос Анна-сухостой. Да, малышка, я готова простить тебе твою стервозность, если ты освободишь меня от этой сомнительной почетной обязанности.

– На этом все. Все свободны, – говорит, как режет училка и уходит своей гордой походкой в закат. То есть в дверь, конечно, но для меня, как в закат. А я устаиваюсь еще парочку неодобрителных взглядов с первой парты.

– Дер, ведь и правда это всегда ты делал, – сообщает уже всем известную истину Леша.

– Ничего страшного, – равнодушно пожимает плечами Красавчик, показывая, что его и правда это не задевает. – Меньше мороки.

– Слушай, – поспешно говорю я, пока он не ушел. – Я с удовольствием отдам тебе эти привилегированные права местного казначея, если хочешь.

Делаю такой же равнодушный вид, чтобы только он не понял, как я не хочу заниматься всей этой ерундой. Ведь я даже кроме этих троих даже никого не знаю в классе! Что я там буду с кого собирать?

– Это дело Анфиса Павловна поручила тебе – вот и занимайся, – жестко отвечает фон Дервиз, даже не смотря в мою сторону, и уходит из класса.

Алекс смотрит на меня неодобрително, качая головой.

– Блин, а я что сделаю, – не выдержав этого осуждающего взгляда, начинаю оправдываться я. – Думаешь мне это в радость?

– Ему и так тяжело, – говорит он так тихо, что только я могу его услышать. – А ты ему жизнь не облегчаешь.

– Это не моя вина, – говорю я чуть резче, чем хотела бы и встаю со стула. – Не я просила его принимать фамилию моего отца.

С этими словами я выметаюсь из класса.

До вечера время проходит мучительно и долго. Я только надеюсь, что потом мне станет легче. Да и завтра суббота. Так что два дня выходных. Уху! Большинство учеников уедет по своим резиденциям и дворцам. Я видела по телевизору, когда шла какая-то документальная передача об этом пансионе, как за детишками приезжают на крутых тачках их личные водители. За некоторыми прилетают даже вертолеты, из-за чего пришлось неподалеку от замка соорудить площадку для них. Но мне даже лучше. Побуду хоть немного в тишине и спокойствии. Правда, что-то не понятно с моим репетитором по английскому.

Зайдя в свою комнату вечером, я скидываю туфли и плюхаюсь на кровать. Что ж, пришло время проверить правду ли говорил Нарышкин о том, что я могу в любой момент ему позвонить. Нахожу в контактах его номер и вызываю по видеосвязи.

– Добрый вечер, фройляйн Марта, – отвечает он мне буквально через пару гудков.

– Добрый, – улыбаюсь я, рассматривая, что там у него на заднем фоне. Вроде бы не кабинет. Больше похоже на жилое помещение, да и сам директор в домашнем халате.

– Чем я могу вам помочь? – спрашивает он, отвлекая меня от созерцания заднего плана.

– О, я это, хотела спросить. Помните, вы мне обещали репетитора. Так вот. Он мне нужен. Срочно.

– Ах, да, это, – директор ненадолго задумывается, прежде чем продолжить: – Понимаете, фройляйн Марта, ученица, которая должна была вам помочь в этом вопросе, весьма трудная особа. И пока у меня с ней не получается договориться. Но я обещаю вам, что на следующей неделе решу этот вопрос.

– Хорошо бы, – как можно трагичнее вздыхаю я, чтобы Петр Алексеевич полностью проникся моим бедственным положением. – Я просто безбожно отстаю от остальных.

– Я понимаю вас, и постараюсь помочь, – сочувствие в его голосе убеждает, что директор действительно не оставит меня в беде.

– Я надеюсь на это. Спасибо.

Попрощавшись с директором, я решаю сходить в душ. Массажный душ. Не знаю, что уж там за прислуга должна была жить в этой комнате, но если у них есть массажный душ, то я хочу быть прислугой.

Я скидываю с себя всю одежду прямо на пол, подхватываю две ароматизированные свечи, которые мне подарила официантка за то, что я побыла ее моделью равнозначно подопытной крысой, и пританцовываю в сторону ванной комнаты. Спустя полчаса кайфа под струями воды с приглушенным светом и включенной музыкой на стекляшке, я чувствую себя обновленной и вдохновленной.

Из душа я выхожу также пританцовывая, завернувшись в одно полотенце. Встряхиваю свои влажные волосы, чтобы они быстрее высохли. А потом вижу их. Анушка и Алекс стоят на пороге двери, которая разделяет наши с фон Дервизом комнаты. В руках у Сухостоя включенная стекляшка и, кажется, она снимает меня.

– Что за черт? – зло спрашиваю я, пытаюсь прикрыть свои самые значимые места.

– Да, красотка, покажи нам свои прелести, – ржет этот упырь.

– Без полотенца было бы лучше, но и эти фотографии произведут фурор на всех школьных сайтах и досках, куда мы их спроецируем, – зловеще комментирует свои маниакальные наклонности Анна.

– Может, попозируешь нам, фройляйн Марта? – не унимается Леха. Блин, не думала, что он такой козел.

Лаааадно. Мы еще посмотрим кто кого.

– Конечно, – улыбаюсь я, как можно более соблазнительно и принимаю чувственную позу. При этом, конечно, стараюсь, чтобы стратегически важные места все же не выглядывали из-под полотенца.

Алекс весь цепенеет и жадно пожирает меня глазами. Вот так, мальчик. Ты у меня на крючке.

– Ты точно шлюшка, – шипит Сухостой, заметив реакцию друга, и опускает стекляшку. – Пойдем, Алекс, у нас есть все необходимое.

Дверь закрывается, а я тяжело опускаюсь на кровать. Нет, этот вход точно должен быть замурован. Проходной двор какой-то! Я беру стул и подпираю им дверь. Хватаю одежду, запираюсь в ванной и там одеваюсь, продумывая план мести.

Эти двое явно действовали по наводке Красавчика. Ведь лично им я ничего не сделала, а вот фон Дервиз думает, что я хочу лишиться его папочкиного наследства. Он боится меня, а значит ненавидит. Ведь страх – это самый сильный в мире катализатор для ненависти. Боженьки, да как они не поймут, что если бы я этого хотела, то объявилась бы гораздо раньше!

Но просто так спускать им это я не собираюсь. Я училась в школе-интернате с пятого класса и ездила, как и большинство учеников, домой только по выходным. Все это время я жила в предоставляемом государством общежитии вместе с сотней других ребят. И поверьте, если вы считаете, что закон выживания работает только в джунглях, то это не так. В том обществе, в котором росла я, действовало единственное правило – или ты, или тебя. Я предпочитала, чтобы я. И если сразу не поставить себя, то потом станет только хуже.

Я устраиваюсь на кровати и активирую стекляшку. Так, так, так. Посмотрим. Снимала Сухостой, значит, взломать придется ее устройство. Надеюсь, у меня это получится.

Мама не могла позволить себе купить мне кроме самого простенького смартфона еще хоть что-то. Но когда я начала учиться в интернате, который располагался в районном городке, то я смогла проведываться в магазин электроники. Я подружилась с одним охранником, который позволял мне приходить к нему в его ночное дежурство и аккуратно, не оставляя следов за собой, пользоваться товаром. Правда, для этого мне приходилось убегать из общаги по ночам. Но, слава Богу, за столько лет существования этой школы-интерната, там была уже отлажена схема побега – через окно на втором этаже на крышу сарая соседнего участка, а там уже и на землю.

Мне понадобилось два часа, прежде чем я буквально породнилась с операционкой стекляшки. Еще полчаса на то, чтобы найти и хакнуть планшет Анны. И вот она моя награда – мои фотографии. А ничего так получилось. Я прям красотка тут. И ноги в этом полотенце просто шик. Так, и что же мне сделать. Просто удалить? Скууучно. Может, подставить лицо Сухостоя вместо моего. Луучше... Хотя, вот что...

Ложусь я спать крайне довольная собой. Остается только надеяться, что она спроецирует эти фотки на все интерактивные доски, не просмотрев их еще раз заранее. Ох, и повеселимся!

Глава 7.

Выходные прошли чудесно. Все разъехались, и никого не было видно в жилом корпусе. Алина Анатольевна тоже уехала, но проверяла меня по видеосвязи каждые три часа. Половину воскресенья я провела на кухне в столовой, общаясь с поварами и официантами, и помогая им непосильным трудом. Нужно ли говорить, что за это мне доставались лакомые кусочки, и к концу дня я почувствовала себя объевшимся хомячком?

Но вот наступил понедельник, и мое настроение вновь скатывается к отметке ноль. Правда, я с предвкушением все же жду шоу «Попытайся опозорить Марту» (да, я уже начинаю привыкать к своему настоящему имени, что даже мысленно себя так начинаю называть).

Ждать представление приходится не так уж и долго. На третьем уроке, как раз у ведьмы Анфисы, внезапно доска начинает моргать и изображение на ней меняется. Я только успеваю заметить, как Сухостой быстро что-то сворачивает на своем планшете. Интересно, как это она смогла подключиться к доске? Тоже хакнула? Хм, сомневаюсь. Судя по ее характеру, скорее уж сперла ключи доступа у администрации. Но как бы то ни было, шоу началось. Я в предвкушении откидываюсь на спинку стула и начинаю любоваться сменой занимательных слайдов. Впрочем, как и все в классе. Как и, в общем-то, и все в школе.

Итак, рассказываю вам, что эта глупышка спроецировала на всеобщее обозрение, даже преждевременно не проверив, что у нее в папке.

Гифк первый – грязная бомжика, ковыряющаяся на помойке. Противная драная одежда, засаленные волосы и смешная вязанная шапочка в яркую полоску. Вот она медленно поворачивает к нам лицом, и мы видим... собственной персоной Аннушку с дохлой крысой в зубах.

– Это не то..., – взвизгивает Сухостой, выдавая себя. Но ее никто не слышит, так как раздается дружный ржач и стоны отвращения.

Смотрю, как Сухостой судорожно тыкает в свой планшет, пытаюсь прекратить трансляцию. Но не тут-то было. Конечно же, я заранее позаботилась о том, чтобы она не смогла так быстро прекратить веселье.

А пока она мучается, в это время появляется второй эпизод моей маленькой мести. На этот раз класс наблюдает не оффотошопленное фото.

Да, я его нашла в планшете Лехи. А что? Он напрямую участвовал в провокации против меня, я взломала и его стекляшку и то, что там нашла, было просто находкой! Лешик стоит и делает селфи себя в зеркало. Все бы ничего, если бы при этом его губы не были накрашены красной помадой, и он бы их не делал «уточкой». Знаю, нормальным людям покажется, что в этом нет ничего особенного. Ну, прикалывался парень перед зеркалом, что такого? Но ведь это не то общество, где подобное спустят на тормозах. Замечаю, как напрягся сидящий впереди меня Алекс. Он поворачивается к Анне, и я замечаю по его профилю какой он красный.

Не успеваю насладиться видом злого парня, как на доске появляется уже третий файл – симпатичное мужское тело, с небольшой порослью волос на груди. Сильные крепкие ноги, накачанные руки, лицо принца, тьфу ты, фон Дервиза. И все бы хорошо, только вот на нем голубой лифчик и кружевные стринги. Признаюсь – это фотошоп.

– Выключите эту дрянь! – рычит Красавчик, пока остальной класс гогочет в приступе безудержного смеха, а Анфиска пытается дозвониться до администрации, чтобы вызвать айтишника. Ну, пока он придет, будет еще время, чтобы все увидели последний файл и те, кто должен поняли, кто им мстит.

Итак, вот кульминация уже проявляется на доске: потрясное женское тело в соблазнительной позе, обернутое в крохотное полотенце и с лицом... Анфисы Павловны. Раздается одобрителный гул голосов парней, но как только они рассматривают лицо «красотки», он тут же сменяется стоном разочарования и брезгливости. Это добывает ведьму и она выбегает из

класса, скорее всего, чтобы поторопить работника. Тем временем к нам разворачивается Сухой и смотрит на меня со всепоглощающей яростью:

– Это ты! – визжит она так, что в ушах звенит. – Выключи это немедленно!

Я всплескиваю руками и выпучиваю глаза так, что, надеюсь, они выражают мое крайнее удивление. Блин, никогда не получалось играть в школьных сценках, но попробовать стоит:

– Я? О чем ты вообще? При чем тут я?

– Я наблюдал за тобой, – внезапно вмешивается в разговор фон Дервиз. О, он и правда за мной тайком наблюдает? – Ты одна из всего класса не смеялась и выглядела как кошка, съевшая мышку.

– Ну, судя по тому, что мы видели, не Марта ест грызунов, – смеется кто-то из девчонок. Очко тебе в карму, малышка.

Аннушка не выдерживает всеобщего веселья и выбегает из класса, подхватив свою стекляшку.

– Зачем? – спрашивает меня фон Дервиз с серьезным выражением лица.

– Не пойму, почему именно ты меня об этом спрашиваешь? – зло шиплю я. Меня просто бесит, что он такой лицемер. – Не я начала это. Это вы вторглись ко мне в комнату через дверь, которую я не могу контролировать, и начали фоткать, застав почти голой из душа! И именно эти фотографии должны были быть на этой доске сейчас. Ты действительно считаешь, что я должна была сидеть, сложа руки, и позволять всяким уродам опускать меня? – переведа дыхание, я заканчиваю. – Не я начала эту войну, но и безобидной жертвой становится не стану. Учти это, когда решишь в следующий раз придумать еще какую-то гадость.

– Постой, – фон Дервиз машет головой, как будто я на него только что свалила три ведра кирпичей. – О чем ты вообще? Кто тебя фотографировал? Какая война? Я ничего не понимаю.

– Он ничего не знал, – подает голос Алекс, поворачиваясь к нам. – Он рано уехал. У меня есть ключи от его комнаты и это была лишь наша с Аней инициатива. Дер вообще тут не при чем.

Вот не верю.

– Не верю, – тут же я озвучиваю свои мысли. – Вы как три телепузика. Куда один туда и остальные.

– Их было четыре, – устало замечает Леха. Выглядит он подавленным и грустным.

– Ну, вот вернется ваша эта Амина, будет, значит вчетвером, – отмахиваюсь я от этого незначительно замечания.

– Ты сумасшедшая, ты знала? – говорит мне Красавчик, как будто не заметив нашу перепалку с его другом. – А поговорить просто нельзя было?

– А не фоткать меня голой можно было?

– Ты хоть понимаешь, что так просто это на тормозах не спустят? – продолжает гнуть свою палку фон Дервиз. – Тебе попадет за то, что ты сделала.

– Я? – теперь мое удивление искреннее. Блин, может, этот придурок и правда не в курсе дела.

– Дер, ей ничего не будет, – качает головой Алекс. – Все было спроецировано с планшета Анны.

– Что за чушь, – хмурится Дер. – Эту гадость Аня никогда бы не отправила на всеобщее обозрение. Если бы только... – он резко замолкает и переводит свой взгляд голубеньких очаровательных глазок на меня. Так, опять не в ту степь. Не смотри ему в глаза, Марта, не смотри ему в глаза.

– Так это правда? – ошарашенно спрашивает он, уставившись теперь на друга. – Вы, что двое и правда хотели выложить какие-то откровенные фотографии Марты?

– Она задирала тебя, – начинает оправдываться Алекс, но судя по гневно суженным глазам Красавчика, его оправдания не найдут отзвон в душе у друга. – Мы просто хотели поставить ее на место. Показать, так сказать, кто в доме хозяин.

– О, Господи! – не в состоянии сдержаться, восклицаю я. Как же меня все это бесит! – Серьёзно, Лех? Кто в доме хозяин? Блин, честно говоря, я думала о тебе лучше. Ты хоть слышишь, что за бред ты несешь? Задирала? Да, признаю, я пару раз играла на нервах твоего друга. Но делала это только после того, как он цеплялся ко мне. И знаешь, если бы он так остро не реагировал на мои провокации, я бы вообще забыла об этом. Ваш драгоценный фон Дервиз дерьмо на ножках, это я поняла в первые минуты знакомства с ним. А вот ты. Блин, я и правда была о тебе лучшего мнения.

Замолкаю и перевожу дыхание. На протяжении своей тирады я думала, что Красавчик меня перебьет. Но он молчит. И даже когда я тоже затыкаюсь, продолжает молчать. Можно ли это считать его соглашением со мной?

В класс влетает Анфиска с седым старичком. Он затрачивает целых пять минут, чтобы убрать безобразие с доски. Я могла бы это сделать за пять секунд, но палиться не буду. О моих способностях лучше до поры до времени никому не знать. Должен же быть и у меня козырь в рукаве.

Интересно, а работничек знает, что ему предстоит аналогичная процедура во всех классах школы?

Глава 8.

Наконец-то директор смог приструнить моего будущего репетитора.

Я сижу в нашем классе, после самоподготовки и жду его. Он опаздывает уже на целых двадцать минут. Активирую стекляшку, чтобы позвонить директору и уточнить время – может я что-то перепутала? Но не успеваю я это сделать, как дверь открывается и в кабинет входит та самая рыжая семиклашка.

Она худая и слишком высокая для своих лет. Девчонка не глядя на меня подходит к парте и седлает стул напротив, таким образом, что оказывается ко мне лицом. Внимательно рассматривает меня, пока я в это время делаю то же самое.

У нее длинные выющиеся волосы насыщенного красно-рыжего цвета. Красиво очерченные брови и ресницы имеют такой же оттенок. Кожа ее белая, прям молочная какая-то, но на носе и щеках заметна мелкая россыпь забавных веснушек.

Так вот ты какой, мой репетитор.

– Ты симпатичная, – нарушаю я первая это затянувшееся рассматривание.

– А ты фигово льстишь, – фыркает она, забавно дернув плечом.

Я копирую ее дергающий жест.

– Поверь, если бы ты мне не понравилась, я бы так тебе и сказала – ты страшная. Ну, или скорее уж, промолчала. Но ты классная. Мне нравятся твои волосы, – я протягиваю руку и хватаю один из завивающихся локонов, накручивая их на палец. Ааа, крутые волосы. Огонь.

Она недовольно поджимает губы, но локон не вырывает.

Я не могу ничего с собой поделаться и начинаю гладить ее по гриве, лежащей огромной копной на одном из ее плеч. Девчонка недовольно закатывает глаза.

– Ты что делаешь? – спрашивает она меня.

– Блин, прости, – я убираю, наконец, руку с тяжелым вздохом. – Просто если вижу что-то такое прикольное, не могу остаться в стороне. Они, правда, классные.

– Вообще-то рыжий цвет считается цветом ведьм, – опять раздраженно возражает она мне, откидывая волосы назад. – Ну, и вообще, это не цвет дам высшего света. Поэтому, сколько себя помню, мама постоянно пыталась их красить в блонд. Но как только я подросла и стала иметь свое собственное мнение, больше к своим волосам не даю никому прикасаться.

– Вот сук..., – вырывается у меня непроизвольно, но я себя останавливаю. Как же, все-таки мама. Хоть и сука.

Это я вслух не говорю.

Однако мой репетитор ничуть не обижается, а только хмыкает:

– Ничего страшного. Я уже привыкла слышать в этом гадюшнике всякие мерзости о моей матери.

– Почему? – искренне удивляюсь я. – Они тоже считают, что издеваться над ребенком, пытаться изменить его суть слишком мерзко?

Она удивленно вздергивает свои аккуратненькие рыженькие бровки. Покачав головой, она отвечает:

– Нет. Не поэтому. Совсем.

Теперь она не выглядит такой напряженной и колючей, как было, когда только зашла в класс.

– Меня зовут Марта. А тебя? – спрашиваю я, решив, что контакт налажен.

– Алиса.

– Алиса... Алиса, – я смакую это имя на языке. Оно мне нравится. И оно ей идет. – Алиса – Лиса. Это ведь прямо про тебя!

– Да, да, – закатывает она глаза. – Очень интересное замечание. Ты прям как мой брат. Он тоже дразнит иногда меня лисой.

– У тебя есть брат, – с улыбкой замечаю я. Слава богу, эта девчонка похоже противостоит матери не одна. – Он такой же рыженький и симпатиченький, как и ты?

– Нет, – хохочет она так, как будто услышала самую смешную шутку в своей жизни. – Он симпатичный да, но не рыжий. Мы от разных отцов. Он пошел в мать, а я вот в своего папашу. Правда никогда его не видела, но не страшно.

Она вновь беспечно пожимает плечами, но я замечаю нотку печали в ее голосе. Думаю, что понимаю ее. Я тоже ни разу не видела своего отца. То есть я его технически видела, но воспоминания о нем практически стерлись.

Это скорее просто какой-то расплывчатый образ, который сумел сохраниться в памяти пятилетнего ребенка.

– А знаешь, кого ты мне напоминаешь? – говорю я, прищурившись и рассматривая ее. – Мериду.

– Кого? – она удивленно смотрит на меня, округлив свои зеленые глаза.

– «Храбрая сердцем». Мерида, – объясняю я ей, но ни одного признака узнавания не отображается на ее лице. – Божечки, только не говори, что не смотрела этот мультфильм!

– Нет, – качает она головой. – Я в принципе мало смотрю телевизор. Здесь они положены либо самым богатым, либо с родословной породистого скакуна. Остальные могут пользоваться актовым залом, но насколько я знаю, там мультфильмов нет. Только новости и всякие скучные научные передачи можно увидеть.

– Жалко, – разочаровано тяну я. – Ты просто вылитая главная героиня. Правда, не такая лохматая.

– Мультик интересный? – задумчиво спрашивает она у меня, стуча пальцами по моей парте.

– Да. У меня тоже нет в комнате телевизора, но я обязательно что-нибудь придумаю, чтобы мы могли с тобой его вместе посмотреть.

– Не надо ничего придумывать, – машет она рукой. – Мы посмотрим его у моего брата. На ближайших выходных мы с ним не едем к матери, так что суббота и воскресенье в нашем распоряжении. Или ты уедешь?

– Нет, я буду здесь, – качаю я головой. – А у твоего брата есть телевизор?

– У него есть все, – говорит она таким тоном, что я понимаю, что за этими словами стоит гораздо больше, чем просто констатация фактов. – А теперь, давай работать, лентяйка. Нарышкин грозился, что если у тебя не будет стоять в четверти хотя бы тройка по английскому, то он выпрет меня из школы. Я этому была бы только рада, но мать ведь мне всю плешь проест.

Она достает стекляшку и активирует ее. Я делаю тоже самое со своей. Она в шоке от того, как сильно я отстаю. И понимает, что директор выбрал идеальный способ как наконец-то гарантированно от нее избавиться. Но мы обе стараемся не отчаиваться и до отбоя упорно занимаемся.

Где-то в середине нашего мучения-учения, она как бы между прочим замечает:

– Кстати, классную ты презентацию врубила тут на всю школу. Мне понравилось. Особенно Дер.

– Пф, – фыркаю я, изображаю оскорбленную невинность. – Я-то тут при чем? Ведь всем известно, что это было спроецировано с планшета Сухостоя.

– Кого?

– Аннушки, – поправляюсь я быстро.

– Сухостой. Мне нравится. Главное, точно описывает ее, – Алиса смеется. – Она, конечно же, идиотка, но ведь не до такой степени, чтобы додуматься сделать гифк на саму себя и своих друзей и спроецировать одновременно на все доски.

– Ну, не мне о ее умственных способностях судить, – а вот и не признаюсь. Не пойман не вор.

Но Алисе, кажется, это и не нужно. Она уже забыла об этом разговоре и вот уже заваливает меня вопросами на чистейшем английском. А я пытаюсь ответить на нем же, но вперемежку с чистейшим матерным русским.

Господи, дай мне сил.

Мы встречаемся с моим репетитором каждый день до самых выходных, и занимаемся до полного изнеможения. Алиса договаривается со своим братом об эксплуатации его телевизора двумя прелестными особами. Она должна зайти за мной с минуту на минуту, чтобы мы вместе пошли смотреть мультик. Алиса уверила, что у него есть wi-fi и мы легко сможем найти «Храбрая сердцем» в сети. Странно, что у ее брата есть все эти блага цивилизации, а у нее нет. Я забыла ее спросить в нашу последнюю встречу, кто же он такой и вот теперь мучаюсь все утро, гадая. Он не рыжий, так что вычислить его среди многочисленных брюнетов и блондинов мне не удается.

Стук в дверь и я тут же подлетаю, чтобы ее открыть.

– Привет, фройляйн, – машет эта зараза мне рукой, заваливаясь в комнату и тут же плюхаясь на мою кровать. – Готова к походу к моему братцу? Он, кстати, тоже с нами будет смотреть. Оказалось, что он не видел этот мультик так же как и я.

– Еще раз назовешь меня фройляйн – я тебе глаз выколю, – говорю я на полном серьезе, выковыривая из под стола ведро с попкорном, которое принесла из столовой. Так сказать, сделала там спецзаказ у шеф-повара.

– Прости, сама виновата. Если бы ты не призналась, что тебя бесит, когда тебя так называют, я бы и не думала. Но ты так смешно пыхтишь слыша это фро-о-йля-я-йин. Прямо как маленький глупый ежик.

– Все хватит, – рычу я, обнимаю свое ведро и направляюсь к выходу. – Я не ежик. Львица, тигрица, кошечка. Но, блин, не ежик!

Зараза ржет, сползая с кровати.

– Хорошо, хорошо, – поднимает она руки вверх, показывая свои мирные намерения. – Больше не буду. Пойдем.

– Пойдем, – все еще насупившись, отвечаю я и открываю дверь. Поворачиваюсь, чтобы запереть ее за Алисой, но вижу, что та за мной не идет. Она подходит к смежной двери с соседней комнатой и отодвигает от нее стул. – Эй, ты чего делаешь? – нехорошее предчувствие медленно разливается по моему позвоночнику.

– Иду смотреть кино к брату, – она подмигивает мне, явно наслаждаясь произведенным эффектом. – Давай за мной, так короче.

И эта лиса скрывается в дверном проеме.

Я ее убью.

Глава 9.

– Располагайтесь, девчонки, я сейчас приду! – кричит он откуда-то из глубины помещения, пока я с опаской разглядываю его территорию.

Моей первой реакцией на осознание того, кем является Алиса, было захлопнуть дверь, придвинуть стул, и притворится, что не знакома с рыжей и ее братом. Потом я думаю: «Какого фига? Это девчонка мне нравится. Не говоря уже о том, что она мой репетитор и мы друг другу ох как необходимы». И вот я уже вхожу внутрь, прикрывая за собой дверь, и с интересом начинаю осматриваться.

Ну, что сказать, расположился этот лжепринц просто офигительно. Чтоб вы понимали, его покои состоят из гостиной, по площади больше моей комнаты раза в три, спальни, из-за двери которой он нам и кричал, и, конечно же, ванной комнаты. Кстати, туда я и направляюсь сейчас – хочу посмотреть такая же она у него крутая, как и моя?

И, конечно же, нет. Потому что она не может быть такой же. Она была обречена быть круче. Черная блестящая плитка, белоснежное, бескрайнее джакузи, навороченная душевая кабинка, невероятное количество баночек с разной приятной химией на полочках. И блин стопочка белых пушистых полотенец. Считаю, что узнать о достатке и благополучии кого-то можно точно по его ванной – а у этого она роскошная и стильная.

Я его ненавижу. Точка.

Я хочу эту ванну. Точка.

– Какого хрена?!

Нецензурная брань за моей спиной заставляет меня резко развернуться и тут же наткнуться на две льдинки этих невозможных голубых, прекрасных, #простонеотрывалабы-взгляда глаз. Однако смотрят они на меня сердито и с ненавистью, так что я заставляю очнуться от наваждения, слегка тряхнув головой. В окончательное чувство меня приводит звонкий хруст со стороны дивана. Вместе с фон Дервизом мы поворачиваемся в сторону звука и видим, как Алиса, поджав под себя ноги, расположилась с комфортом на золотистом диване и, наворачивая МОЙ попкорн, с нескрываемым интересом наблюдает за нами.

Придурок громко стонет и обхватывает голову руками.

– Это и есть твоя новая крутая подружка непохожая на всех остальных? – с какой-то обреченностью в голосе спрашивает он ее.

– Ага, – кивает та с набитым ртом, и пара штучек взорванной кукурузинки выпадают из ее рта.

– Алис, не говори с набитым ртом, – морщится он, при виде этой картины.

– Не учи ее, как она должна говорить, – тут же огрызаюсь я, не успев подумать, что может на правах старшего брата он и в праве ее чему-то поучить. – Тем более вон сам только что, ругался так неподобающе для столь культурного места.

– А ты вообще пошла отсюда, – зло цедит он, смотря на меня. – Я тебя сюда не приглашал.

Я скрещиваю руки на груди и задираю подбородок. Честно говоря, мне и самой не хочется тут находиться. Теперь зная, какая у него ванная, мне хочется перерезать ему горло. Всем его деньгам я в принципе не завидую, но вот в этой ванной я бы помылась. Пару раз. Каждый день. По два-три раза на дню.

Я хочу убраться, но не хочу бросать Алиску. Девчонка, конечно, колючая и если я уйду, и виду не покажет, что ее это расстроило. Но я ее слишком хорошо понимаю. Без друзей жить нормально. Однако с ними еще лучше.

– Меня не ты приглашал – не тебе меня прогонять, – говорю я дерзко и, обогнув его, выхожу из ванной.

Стараясь не смотреть в его сторону, плюхаюсь на диван рядом с рыжей. И тут же утопаю в мягкости и воздушности этого чуда мебельного дела.

Пункт две тысячи триста, за что я ненавижу фон Дервиза – за то, что у него есть такой диван. Хочу жить на этом облаке. Не могу сдержатъ стон удовольствия и растекаюсь по нему. Алиса смотрит на меня с понимающей улыбкой. Я забываю про все на свете и начинаю гладить приятную на ощупь бархатную обивку.

Боооожечки, какая нежность.

– Правда здорово? – спрашивает у меня девчонка, повторяя мои поглаживающие движения.

– Блин, я в жизни ничего приятнее не трогала, – говорю я мурлыкающе и трусь щекой об обивку спинки дивана, прикрыв глаза.

– Ага, – она повторяет за мной, прислоняясь лицом к ткани. – Всегда, когда прихожу к брату, сажусь сюда и слезаю только чтобы сходить в туалет.

Напоминание о ее брате, вырывает меня из моего блаженства. Я резко распахиваю глаза и тут же натываюсь на взгляд фон Дервиза. Только теперь его глаза выглядят как-то по-другому. Не понимаю, что именно в них поменялось. Он неотрывно следит за мной, пока я ерзаю, стараясь выпрямиться и принять более сдержанную позу. Я не могу ничего с собой поделать, и мой взгляд постоянно возвращается к нему.

– Долго в гляделки будете играть? – это Алиса оказывается уже сидит с пультом в руках и что-то там щелкает на уже включенном телевизоре.

Она не смотрит на нас, но по ее еле заметной усмешке я понимаю, что она заметила эту странную фигню, что со мной происходила.

– Значит, «Храбрая сердцем»? – откашлявшись, спрашивает фон Дервиз спокойным дружеским тоном, как будто несколько минут назад не выгонял меня отсюда.

– Ага, – вновь односложно отвечает Алиса, не отрываясь от экрана огромной в полстены плазмы–стекляшки.

Он идет к дивану. Он приближается. Пытается сесть около сестры, но та ловко ставит на оставшееся свободное пространство рядом с собой ведро с попкорном.

– Неа, – говорит она, все также, не смотря на брата. – Здесь будет попкорн стоять. Потому что если я отдам его Марте, она его сожрет.

– Эээ, – тут же реагирую я. – Вообще-то это мое ведро. Ну-ка дай сюда, рыжая!

Я тянусь через девчонку, чтобы забрать свое ведро, но та хватает его и на вытянутой руке держит от меня подальше.

– Дер, садись между нами, – предлагает она. – Так она будет стесняться постоянно через тебя за ним наклоняться и мне больше достанется.

От возмущения у меня просто не находится слов. Вот же зараза!

Красавчик морщится, но все же просьбу сестры выполняет.

Однако когда он пробует сесть, та вытягивает ноги и ему приходится немного сдвинуться в мою сторону. В итоге я сижу с краю, практически вплотную ко мне Красавчик, а на оставшейся половине разваливается Алиска.

– Тебе не тесно, сестренка? – язвительно интересуется он у нее, недовольно буравя ее взглядом.

– Неа, – мотает та головой, наконец, загружая мультик.

Полтора часа.

Полтора часа рая и ада одновременно.

За это время я, кажется, ни разу не шелохнулась. Потому что это рискованно – я могу случайно задеть фон Дервиза. Откуда я знаю, что это нежелательно? Да потому, что я уже нечаянно дотронулась своей оголенной ногой его руки, лежащей рядом с ним на диване, и меня

словно шарахнуло двести двадцать. Он тоже возможно что-то почувствовал, потому как резко дернулся и с того самого времени его руки лежат на его коленях.

Все эти полтора часа, пока Алиса с удовольствием смотрит мультик, частенько что-то комментируя, я не вижу абсолютно ничего. Все мое внимание сосредоточенно на парне справа от меня. Я могу рассмотреть его. Я успеваю заметить, что у его волос красивый оттенок горького шоколада. Что если он и пользуется какими-то средствами для укладки, то делает это настолько хорошо, что кажется, что он просыпается уже с такой прической. У него аккуратные ногти на руках и вообще его руки красивые. Кого-нибудь когда-нибудь приводили в экстаз мужские руки? Нет? Значит, я одна такая ненормальная. Но, блин, мне и правда нравятся его эти длинные пальцы и широкие ладони.

Скосив максимально глаза, я рассматриваю его линию подбородка, его немного пухлые губы и длинные черные ресницы и широкие плечи. Думаю, он немного перекачан для аристократа, но он знает, что так нравится девчонкам только еще больше. Интересно, его эта Амина такая же красotka как и он сам?

Я ловлю себя на мысли, что ненавижу эту незнакомую девушку. Потому что она имеет права поцеловать его, обнять, взяться за эти красивые руки. Потому что с ней он наверняка не груб, не пытается ее унижить или выгнать из своей комнаты.

Все эти мысли заводят меня в состояние уныния, и я пытаюсь оттуда вырваться. Опять погружаюсь в историю, что творится на экране, но вижу, что там уже идут титры. Непонимающе хмурюсь. Алиса что, уснула?

Перегибаюсь через фон Дервиза и вопросительно смотрю на бодрствующую рыжую.

– А я думала, когда кто-нибудь из вас все-таки заметит, что мультик уже закончился! – ржет она, ставя на паузу воспроизведение.

Я не могу ничего поделать, думая о том, как долго могут идти титры. Минуты три? От чувства стыда, мои щеки начинают гореть. Я уже хочу быстро убежать к себе, как до меня доходят слова Алисы: «кто-нибудь из вас».

Перевожу свой взгляд на фон Дервиза и о Боже... вы не поверите,... он сидит красный как рак.

Заметив, что я на него смотрю, он резко встает и направляется в сторону своей спальни. С грохотом захлопнув за собой дверь, кричит уже оттуда:

– Не забудьте выключить телевизор!

– Да, да, – бормочет Алиса, потягиваясь на диване.

Мне нужно уйти. Мне все это не нравится. Я даже не хочу думать о том, что сейчас произошло.

– Я пойду, – говорю я, вставая с дивана и направляясь к смежной двери.

– Может, еще что-нибудь посмотрим? – предлагает Алиса, наблюдая за моим бегством.

– Знаешь, я устала, – отвечаю я, в принципе, не соврав. Я и правда так вымоталась, удерживая себя от желания запрыгнуть на фон Дервиза и заставить его поцеловать меня, что моих сил больше не хватит на то, чтобы сидеть в его гостиной и думать о том, чем он там занимается в своей спальне.

– Хорошо, – на удивление спокойно соглашается со мной Алиса. Когда я уже разворачиваюсь, чтобы прикрыть за собой дверь, она меня останавливает. – Марта, хочу, чтоб ты знала, – я смотрю на нее через дверной проем в ожидании продолжения. – Амина не та девушка, которая должна быть рядом с ним.

С этими словами она поворачивается к экрану телевизора, полностью забыв обо мне.

А мне остается только всю ночь ворочаться в постели, прокручивая снова и снова в голове ее слова.

«Амина не та девушка, которая должна быть рядом с ним».

Глава 10.

– Вот! – я с гордостью вываливаю деньги на стол ошарашенной Анфисы Павловны и улыбаюсь при этом как Чеширский кот. – Я все сделала. На вашу почту я уже отправила все электронные разрешения от родителей на поездку.

– А это что? – тыкает она своим костлявым пальцем в стопочку новеньких хрустящих купюр.

– Как что? – делаю невинные глазки я. – Это деньги. Вы поручили мне собрать их с класса для поездки.

– Да. Но почему таким образом? Почему нельзя было собрать их на ваш электронный счет, фройляйн Марта, а потом уже перевести, как все нормальные люди, на счет школы?

– Потому что у меня нет счета, – и потому что мне нравилось всех богатеев озадачивать фразой «только наличкой». Они, кажется, уже забыли, как деньги выглядят в реальности. И в срочном порядке просили прислать родителей средства бумажками.

– Как это у вас нет счета? – казалось, что сильнее поразить Анфиску мне не удастся, однако сейчас глаза ее округлены еще больше, чем были минуту назад.

– Вот так, – пожимаю я плечами. – Для того чтобы иметь счет, нужны деньги, чтобы там что-то лежало. А все мои деньги легко умещаются у меня в носке.

– Хорошо, – вздыхает Анфиса Павловна, по всей видимости, не желая дальше развивать тему. – Подождите немного, я проверю разрешения, и если все в порядке можете быть свободны.

Я киваю и присаживаюсь за переднюю парту. Не проходит и пары минут, как Анфиса отрывает свой взгляд от стекляшки и строго на меня смотрит:

– Здесь нет вашего разрешения, фройляйн Марта. Почему?

– Я не еду, – отвечаю я. Не думала, что она вообще заметит, что моей фамилии нет в списке.

– Но почему? Проблемы с разрешением? Ваша мама отказалась его подписывать?

Можно, конечно, и так сказать. Но тогда она наверняка захочет с ней поговорить, а этого уже допустить нельзя. Поэтому озвучиваю другую причину, по которой я не могу поехать:

– У меня нет таких денег, чтобы оплатить поездку.

Анфиса Павловна хмурится и качает головой:

– Я уверена, что ваша мать в состоянии оплатить эту поездку, если уж она смогла устроить вас в эту школу. Я прекрасно осведомлена, фройляйн Марта, сколько стоит обучение в этом месте.

– Я здесь учусь бесплатно, можете спросить у директора.

– Зачем вы мне морочите голову? – теперь она говорит, явно сдерживая раздражение. – Здесь не принимают детей из бедных семей. Это место создавалось для тех, в чьих венах течет дворянская кровь. Однако сейчас же в приоритете только деньги. Если ты богат, то можешь учиться здесь наравне с теми, кто по-настоящему этого достоин. Так что, прошу вас, не лгать мне!

И вот теперь раздражена я. Я не успеваю утихомирить свою бегущую по венам кровь, прежде чем слова вырываются наружу:

– Я вам не вру! Вы можете с легкостью проверить правдивость моих слов у Нарышкина, так что должны понимать, что смысла мне вас обманывать нет. И знаете что? Это не такое уж гиблое место, как вы считаете. Петр Алексеевич взял меня сюда абсолютно бесплатно, потому что я бедна как церковная мышь. Если не верите мне или директору, можете поинтересоваться у нашего завхоза. Ведь мне приходится работать по вечерам, драя полы в школе, чтобы иметь хоть какие-то деньги, потому что моя мама не в состоянии мне помочь. Мне даже чтобы поесть

приходится идти в школьную столовую и там также работать за еду. Так что не стоит упрекать Петра Алексеевича в его меркантильности или меня во лжи, если ничего не знаете.

Фуф, высказалась. Хорошо как.

Нет, плохо. Зачем я открыла этой гримзе все свои секреты? А если она кому-то растрепет? Не то чтобы я очень стеснялась своей бедноты, просто хотелось бы свои проблемы оставить при себе же.

Слежу за реакцией Анфисы Павловны и вижу, что с ней происходит что-то странное. Даже не знаю, чего я ожидала. Может быть раздражение, от того, что я столь эмоционально защищала себя и директора. Или брезгливость, от того, что этой гувернантке в пятидесятом поколении приходится учить поломойку. На крайний случай раскаяние, от своих несправедливо сказанных слов.

Но увидеть шок, растерянность, а затем и вовсе слезы в ее глазах я не ожидаю совсем. И теперь уже я удивлена, растеряна, и чувствую себя крайне неловко.

Так проходит, по крайней мере, несколько часов в тишине. Или мне так кажется, потому что я абсолютно не знаю, что мне делать те тридцать секунд, что нужны Анфисе Павловне, чтобы взять себя в руки.

– Но почему? – наконец спрашивает она меня каким-то дребезжащим голосом. Кажется, сегодня это ее вопрос дня – почему?

– Не верьте всему, о чем говорят люди, – немного устало отвечаю я, в надежде, что она все поймет.

– Я оплачу вашу поездку, – говорит уже вновь спокойная учительница, деловито уткнувшись в стекляшку.

– Вот еще что удумали, – незамедлительно реагирую я на столь щедрое предложение. – Я не нуждаюсь ни в чьей благотворительности. Или вы меня плохо расслышали? Я в состоянии сама заработать себе на прокладки и еду.

– Я в этом несколько не сомневаюсь, – строго говорит она мне, теперь уже полностью вернув стерву на место. – Эта поездка традиционна, и если ее пропустит наследница столь уважаемого и старинного рода – это будет крайне возмутительно.

– Вы знаете, что не я наследница рода фон Дервизов. И я повторюсь – мне не нужна ничья благотворительность, – я сверлю сидящую напротив меня женщину, как мне самой кажется, своим самым испепеляющим взглядом.

– Да, поймите же, Марта! – хладнокровие ведьмы вновь пропадает и она эмоционально всплещкивает руками. – Будь жив ваш отец, он бы крайне расстроился, узнав, что его родному и единственному ребенку приходится работать за еду, и мыть полы за детьми его друзей, чтобы просто выжить в этом мире. Вы хоть сами слышите, как это звучит дико несправедливо!

– Моему отцу было бы плевать, что со мной и как я выживаю в этом мире, – не хочу, чтобы мой голос дрожал, но не могу ничего с собой поделать. Он просто надламывается и обрывается.

– Это не так, – грустно отвечает Анфиса Павловна, глядя мне в глаза.

Не хочу видеть в них жалость. Ей Богу, это так странно. Меня, в принципе, мало кто в жизни жалел – я не люблю показывать другим свои слабости и уж тем более просить жалости к себе из-за них.

Меня злит, что она каким-то образом заставила меня приоткрыть перед ней свою душу. Я не хотела показывать, как меня на самом деле задевает то, что отец так и не нашел меня. Я прекрасно понимаю, что мы специально скрывались от него всю жизнь. Прекрасно понимаю, что для нашей же безопасности было лучше, что он не смог нас найти. Но все же детская обида сидит глубоко во мне. И неприятный внутренний голосок упорно талдычит: «Он не искал тебя. Не искал. Он просто забыл. У него новая семья. Новый ребенок. Ты никогда ему не нужна была».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.